

Глава 1

За окончательной реальностью без приглашения

Трудно решить, с чего начать. И даже — что именно считать началом? Я могла бы сказать, что моя история началась в китайском ресторане, году так в 1995-м, когда мой отец спросил меня ни о чем или, точнее, про ничто. Но, наверное, правильнее было бы говорить, что она началась примерно четырнадцать миллиардов лет назад, когда так называемая Вселенная якобы родилась, вдруг раскалившись и пропитавшись бытием. Затем я пришла к мысли, что *моя* история только-только начинается, прямо сейчас. Я понимаю, как странно это должно звучать. Поверьте мне, это звучит еще более странно.

Что же касается моей истории, то, вероятно, она началась в тот день, когда я солгала, выдав себя за журналиста. И я тогда совсем не знала, что это было начало. Тогда я никак не могла знать, как далеко все пойдет. Что я в скором времени буду тусоваться среди самых блистательных физиков современности. Что из незначительного обмана выстроится вся моя дальнейшая карьера. Тогда я бы ни за что не подумала, что буду переписываться со Стивеном Хокингом, обедать с лауреатами Нобелевской премии или преследовать человека в панаме. Тогда я не могла представить себе, что вместе

с отцом мы будем пересекать пустыню, направляясь в Лос-Аламос, или что я буду корпеть над старыми манускриптами в попытках разгадать тайны Вселенной. Я не могла предвидеть, что одна маленькая ложь, одно импульсивное решение откроет новый для меня мир и положит начало всепоглощающей охоте за окончательной реальностью.

Но самое странное — я больше не верю, что какое-то из этих событий и есть начало. Потому что после всего, что случилось, после всего, что я узнала, я пришла к мысли, что эта история начинается с тебя, с того момента, когда ты открыл эту книгу, услышал мягкий треск ее корешка, шелест перелистываемых страниц. Не поймите меня неправильно — я бы хотела сказать, что это моя история. Моя вселенная. Моя книга. Но после всего, что мне пришлось пережить, я твердо знаю: это твоя история.

Ложь родилась, когда я работала в редакции журнала. Это так только называлось — “работа” и “редакция”. В действительности я разбирала почту в небольшой и захлавленной квартире одного парня по имени Рик. Я и правда собиралась работать в журнале *Manhattan*. Но в действительности журнал назывался *Manhattan Bride*.

Журнал *Manhattan* был посвящен светской благотворительности в Нью-Йорке, но уже тогда, когда я начала работать в этом журнале, он был на грани исчезновения и вскоре после этого прекратил свое существование¹. Новый, основанный Риком, глянцевого журнала для новобрачных был вполне жив и здоров. Поэтому, хотя теперь мои обязанности сводились главным образом к ответам на телефонные звонки от флористов и кондитеров, украшающих свадебные торты,

¹ За прошедшее время появился *Manhattan Magazine*, но Рик уже не имеет к нему никакого отношения. (Прим. автора.)

а однажды я полдня провела, пялясь на старомодный пышный свадебный наряд, я продолжала говорить знакомым, что работаю в журнале *Manhattan*. Это звучало солиднее.

Итак, как-то я работала у себя в “редакции” и уже подумывала, не послать ли мне всю эту тягомотину и смотаться к себе в Бруклин, но вдруг наткнулась на статью в *New York Times*. Джону Арчибальду Уилеру, ведущему физико-теоретику и поэту, тогда только-только исполнилось девяносто лет, и физики со всего мира съезжались в Принстон, чтобы отпраздновать это событие.

“В эти выходные, — говорилось в статье, — видные ученые собираются обсудить по-настоящему Большие Вопросы, которые волнуют профессора Уилера, во время проведения организованного в его честь симпозиума под скромным названием «Наука и окончательная реальность»¹”.

Как только я прочитала статью, я загорелась желанием задать Уилеру Большой Вопрос. Если бы только я была “выдающимся ученым”! Я сидела в кресле и рассеянно смотрела на старую обложку журнала *Manhattan*, которая висела на стене.

И тогда в голову пришла идея.

Я подождала, пока Рик уйдет на обед, позвонила в пресс-службу конференции и самым профессиональным голосом, на какой только была способна, сказала в трубку, что я журналист, работаю в *Manhattan* и была бы заинтересована в освещении мероприятия.

1 В связи с этим симпозиумом была издана книга, русский перевод которой увидел свет в 2013 году (см.: *Наука и предельная реальность* / пер. с англ. В. И. Мацарских, О. И. Мацарских; под ред. Л. Б. Окунь. Ижевск: РХД, 2013). В некоторых случаях переводы сложных физических и философских понятий, предложенные там, использовались и при переводе данной книги, в некоторых случаях в этой книге те же понятия переведены иначе. Так, вместо перевода “предельная реальность” здесь и дальше будет использоваться более точный — “окончательная реальность”.

— Конечно, мы бы хотели, чтобы вы приехали, — ответили на том конце провода.

— Прекрасно, — сказала я. — Нас будет двое.

Я была совершенно уверена, что эти славные люди в оргкомитете конференции никогда не слышали про журнал *Manhattan*. Большинство людей в Нью-Йорке, не говоря уже об остальном мире, никогда не слышали о таком издании, но когда я говорю людям, что я работаю для журнала *Manhattan*, они всегда восклицают: “О, конечно!” Журнал *Manhattan* — это название, которое каждому кажется знакомым. Только почти все, кто так думает, ошибается. И это, как я поняла, открывало мне путь в мир Науки и окончательной реальности.

Я была столь же уверена, что эти же пиарщики предположили, что мое “вдвоем” подразумевало коллегу или фотографа, который поможет мне проиллюстрировать мой большой материал. Я взяла телефон и позвонила отцу:

— Поменяй свои планы на эти выходные. Мы собираемся в Принстон.

Чтобы объяснить мое внезапное желание появиться на конференции по физике вместе с отцом, мне придется вернуться к одному разговору, который состоялся семью годами раньше.

Мне было пятнадцать в то время, и отец взял меня на ужин в наш любимый китайский ресторан рядом с нашим домом, в небольшом пригороде к западу от Филадельфии. Обычно мы ели там с моей матерью и старшим братом, но на этот раз мы были вдвоем. Я гоняла палочкой орешек кешью по тарелке, когда он посмотрел на меня внимательно и спросил:

— Ты не могла бы определить ничто?

Услышать такой вопрос за ужином, конечно, странно, но только для того, кто не знает моего отца: в 60-е годы он

был интеллектуалом и увлекался хиппи-буддизмом, и с тех пор сохранил склонность к дзэн-коанам.

Эта часть его биографии открылась для меня в тот день, когда я случайно наткнулась на его дневник. Раскрыв его наугад, я увидела фотографию, где он сидит без рубашки в позе лотоса с книгой Алана Уотса *This Is It*¹ в руках. Зрелище было веселым, учитывая, что в те дни он работал радиологом в Университете Пенсильвании, где не только постоянно носил рубашку, но часто дополнял ее и аккуратно повязанным галстуком. Он сделал себе имя, объяснив, как целый ряд заболеваний легких был вызван одним видом грибка, а кроме того, он изобрел одноразовые маркеры для сосков — своего рода наклейки, которыми пользуются во время рентгеноскопического исследования грудной клетки, чтобы не спутать тень от сосков с опухолью. Но со всеми этими грибками и сосками он оставался прикольным чуваком, медитирующим в позе лотоса и ожидающим подходящего момента, чтобы высказаться. Когда такой момент наступал, он выдавал какое-нибудь неожиданное родительское наставление. Например:

— Есть кое-что относительно реальности, о чем тебе нужно знать. Тебе, наверно, кажется, будто ты — это ты, и есть еще весь остальной мир вне тебя. Ты видишь границу, но это просто иллюзия. Внутри и снаружи — это все одно целое.

В юном возрасте я была рациональным скептиком и практиковала свой вариант дзэн-буддизма — фильтровать советы взрослых, но к словам отца прислушивалась: когда он говорил, это звучало не как приказ сверху, а, скорее, как доверенная тайна. “Это просто иллюзия”. Вот и теперь он го-

1 Алан Уотс (Alan Watts, 1915–1973) — английский мистик и писатель, популяризатор дзэн-буддизма. Книга *This Is It and Other Essays on Zen and Spiritual Experience* вышла в свет в 1960 году и целиком на русский язык не переводилась. Однако эссе, давшее книге название, переводилось и издавалось отдельно под заглавием “Это оно”.